

R E C E N Z J E

Boris Reitschuster: *Ruski ekstrem. Jak nauczyłem się kochać Moskwę.*
Przeł. Sylwia Miłkowska. Warszawa: Carta Blanca 2010, 208 s.

Борис Райтшустер — немецкий журналист, руководитель московского бюро немецкого журнала «Focus». Он известен своими смелыми статьями и монографиями, в которых пытается раскрыть всю правду о российской политической системе, а также руководителях страны (Путине, Медведеве). Его новая книга *Русский экстрим* затрагивает несколько других вопросы. Интересно, что политика составляет своего рода фон для главного «героя» книги, каким является жизнь, быт простых россиян. Автор описывает их ежедневную борьбу за выживание. Он задался целью показать российских граждан в разных жизненных ситуациях, тем самым читатель может коснуться русской культуры, обычаев, верований, одним словом, предпринять попытку изучить ментальность россиян. Каждый, несомненно, придёт к индивидуальным выводам, сформулированным на основании своего мировоззрения. Эта книга и предоставляет шанс индивидуальной интерпретации описанного, так как автор в ненавязчивый способ даёт свои насыщенные иронией умозаключения к каждому разделу. Книга Райтшустера представляет собой необычный путеводитель, так как гид-автор водит нас не по достопримечательностям России, а по внутреннему миру жителей этой необъятной страны. Эти экскурсии довольно исчерпывающим образом удовлетворяют любопытство даже самого требовательного читателя, который хочет познать азы русского экстрима.

Первое правило, которое должен усвоить каждый иностранец в России, гласит: «Не берите близко к сердцу российские запреты и приказы». Нужно научиться находить в каждом из них скрытое значение. Парадоксально в России хорошо живёт не тот гражданин, который исполняет все приказы и запреты, а тот, который умеет ловко их обходить.

Удивительно, но иностранец выдаёт себя прежде всего не акцентом, а своим поведением в общественных местах, а даже в толпе людей. Галантный, вежливый, общительный, а прежде всего беззаботный человек сразу привлечёт внимание местных жителей, ведь у россиян совершенно противоположная характеристика. Стоит ответить тогда на вопрос: нужно ли всеми способами перевоплощаться в россиянина или же лучше сохранить свою индивидуальность. Данную дилемму помогли решить русские друзья Райтшустера, посоветовав ему оставаться таким каким он есть. На самом деле иностранцы никогда не смогут стать по-настоящему россиянами, как бы они ни старались им подражать. Это уже было давно подмечено и выражено в известных во всём мире словах Фёдора Тютчева: «Умом Россию не понять».

Не стоит также удивляться, что иностранцы платят за все услуги (например, за вход в музей, за проезд на такси и т.д.) вдвойне, втройне, а то и больше. Всё зависит от фантазии услугодателя и размера кошелька заказчика. Второе правило для иностранца гласит: «Старайтесь не выделяться в толпе своим туалетом и поведением. Если россиянин узнает в вас иностранца, то цена за услугу увеличится в несколько раз, не взирая на то, что свои-россияне за то же самое заплатят гораздо меньше».

Россияне верят в существование потусторонних сил, поэтому предрассудки — это одна из составляющих русской культуры. Такое магическое мышление характерно для всех социальных сословий без исключения. Ярким примером этого может послужить факт, что Леонид Брежнев прибегал к услугам грузинской ясновидящей (Джуны),

а Борис Ельцин назначил её своей советчицей. Следующее правило для иностранцев таково: «Не стоит нервничать, если ваш российский друг опаздывает на встречу с вами, ведь по дороге может случиться всякое, например, чёрный кот может перебежать дорогу и ни в коем случае нельзя ехать дальше, нужно подождать когда кто-нибудь вместо вас первым перейдёт дорогу, тогда проклятье вам уже не грозит».

К вам обращаются молодой человек или девушка, хотя молодые годы уже давно прошли — не удивляйтесь, в России это в порядке вещей. Дело в том, что в русском языке нет отдельных форм, относящихся к людям среднего возраста.

Характерной чертой россиян является употребление мата, матерщины. Мат используется для того, чтобы придать речи большую экспрессию. Интересно, что при помощи одного матерного слова можно выразить то, что невозможно передать при помощи других слов. Не удивительно, что для иностранцев матерщина совершенно непонятна, не говоря уже о том, в каких контекстах её использовать. Более широко значение мата для россиянина представил в своей книге *Русский апокалипсис* Виктор Ерофеев.

В настоящее время, так как и в советский период, в России без разрешения свыше никто не рискнет делать что-либо по-своему. В большинстве случаев такое поведение приводит к трагическим последствиям. Например, пожар в телебашне Останкино можно было предотвратить если кто-нибудь решился бы отключить свет. Несмотря на то, что огонь быстро занимал всё новые этажи здания, все ждали распоряжений из Кремля. Стоит подчеркнуть, что услужливость чиновников к высшим чинам высмеивалась многими российскими авторами XIX века. К сожалению, Россия XIX века ничем не отличается от нынешней России. Невольно вспоминаются слова Чацкого из *Горе от ума* Александра Грибоедова: «Дома новы, а предрассудки стары».

Следующее правило для иностранца: «Прежде чем перейти дорогу на зелёном свете, убедитесь в том, что никто не едет». Чрезмерная осторожность и бдительность не помешает, так как машины мчатся по городу даже 120 км/ч. Водители не обращают внимания на какие-либо запреты или ограничения, так как каждое нарушение правил дорожного движения можно решить при помощи взятки.

Не стоит всё-таки думать, что от России нельзя ожидать ничего хорошего и она ничем не сможет нас приятно удивить. В некоторых ситуациях с россиян можно брать пример. Каждый европеец может только позавидовать слаженности каждого российского рабочего коллектива. Здесь царит дружеская атмосфера согласно мушкетёрскому девизу: «Один за всех и все за одного». В случае если коллега отлучится во время работы или выедет в отпуск на несколько дней, не поставив в известность шефа, коллектив обеспечивает ему алиби.

Россияне славятся также своим гостеприимством. Автор книги имел возможность ощутить его на себе, будучи приглашённым на свадьбу одного осетина. Райтшустер был почётным гостем молодожёнов. В свой гостиничный номер он вернулся с полными сумками свадебной еды и самое главное с незабываемыми впечатлениями, т.к. впервые встретился с таким тёплым приёмом.

Что такое кооператив? Почему россияне живут на 13 лет меньше чем россиянки? Какую роль в жизни россиян играет дача? Ответы на все эти, а также другие вопросы можно найти в новейшей книге Райтшустера.

Так что же это такое русский экстрим?

Русский экстрим — это столкновение с абсурдами российской действительности. Автор сравнивает его даже с неизлечимой наркотической зависимостью. Тем не менее Райтшустер в последней главе книги выразил надежду на некоторые изменения в России. Те россияне, которые побывали на Западе, постепенно меняют свой взгляд на различные вопросы. Россия, конечно, коренным образом не поменяет свои привычки и взгляды, но на некую корректировку надеяться можно, ведь надежда умирает последней.

Ewa Komisaruk: *Od milczenia do zamilknięcia. Rosyjska proza kobieca na początku XX wieku. Wybrane aspekty.*
Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego 2009, 312 s.

Rozprawa Ewy Komisaruk *Od milczenia do zamilknięcia. Rosyjska proza kobieca na początku XX wieku. Wybrane aspekty* stanowi niewątpliwie interesującą i inspirującą lekturę. Jest to studium, które należy usytuować w kontekście krytyki feministycznej i *gender studies*. W centrum uwagi autorki znalazła się proza bijących rekordy popularności w Rosji początku ubiegłego wieku, lecz do niedawna zapomnianych sześciu pisarek — Lidii Zinowjewej-Annibał, Jewdokii Nagrodskiej, Anastazji Wierbickiej, Nadieżdy Sanżar, Anny Mar oraz Jelizawiety Djakonowej. Recenzowana monografia jest pierwszą w literaturoznawstwie polskim analizą dorobku beletrystek, których utwory, niepublikowane po 1917 r., znikły stopniowo ze świadomości czytelników. Problematykę podjętą przez Ewę Komisaruk uważa należy za ważki głos w dyskusji nad fenomenem „prozy kobiecej”, o którym pogłębioną refleksję na wiele dziesięcioleci uniemożliwiło zideologizowanie radzieckiego literaturoznawstwa. Oparta na solidnej teoretycznej podbudowie praca zawiera wieloaspektową analizę i interpretację badanych utworów i do niedawna marginalizowanych zjawisk.

Rozprawa posiada przejrzystą strukturę. Składa się ze wstępu, pięciu obszernych rozdziałów, zakończenia, bibliografii, streszczenia w języku angielskim oraz indeksu nazwisk. We wstępie, referując stan badań, autorka przybliży czytelnikowi metodologię zastosowaną w pracy, kompozycję swego studium oraz określi obszar eksploracji. Stawia przed sobą zadanie zaprezentowania specyfiki prozy Rosjank w ujęciu synchronicznym z perspektywy nie tylko historyka literatury, „ale i kobiety uwrażliwionej na przejawy ‘kobiecości’ w tekście” (s. 15).

Dwa pierwsze rozdziały poświęcone są „postrzeganiu literatury kobiecej przez dyskurs krytycznoliteracki początku XX wieku” (s. 16). Prezentując różne perspektywy i strategie badawcze, Ewa Komisaruk wyodrębni „męskie” i „kobiece” spojrzenie na tę twórczość i podkreśla ich odmienność.

W rozdziale *Konstatacje i kontestacje. Męskie strategie dyskursywne wobec pisarstwa kobiet*, analizując prace krytyczne, wyróżnia dwie podstawowe strategie — mizoginistyczną i feminocentryczną. Pierwsza z nich podważała wartość literatury pisanej przez kobiety oraz komentowała ją z perspektywy wzorcowego modelu literatury pisanej przez mężczyzn. Druga — dążyła do zrekonstruowania specyfiki literatury kobiecej i jej odrębności za pomocą obiektywnego opisu, choć nierzadko odznaczał się on emocjonalnym zaangażowaniem.

Ewa Komisaruk skoncentrowała uwagę na bardziej rozpowszechnionej strategii pierwszej, która uwydatniała „wybrakowanie” pisarstwa kobiet, zarówno w wymiarze społeczno-psychologicznym, jak i estetycznym. Badaczka referuje wypowiedzi mniej lub bardziej zdeklarowanych takich jego kontestatorów, jak Aleksandr Amfiteatrow, Władimir Czujko, Piotr Pilski, Ilja Wasilewski czy Nikołaj Abramowicz, ilustrując je cytatami. Akcentuje też wpływ poglądów Artura Schopenhauera, Friedricha Nietzschego i nade wszystko Otto Weininger na kształtowanie się krytyki mizoginistycznej w Rosji. „Idąc śladem myśli wiedeńczyka — zauważa — pisano o właściwej naturze kobiecej bierności i wtrącości, podkreślano jej niesamoistość, niezdolność do samodzielnej twórczości, skłonność do powtarzania stereotypów” (s. 34–35). Ewa Komisaruk zwraca uwagę na lansowanie przez krytyków tezy o organicznej niższości kobiet wobec mężczyzn, zwłaszcza pod względem intelektualnym oraz nierzadkie stosowanie przez nich argumentacji biologiczno-seksualnej, zgodnie z którą kobieta jako istota na wskroś biologiczna jest wykluczona ze świata kultury. Aby ośmieszyć traktowane jako typy psychotyczne pisarki i zdeprecjonować ich twórczość — podkreśla autorka — krytycy niejednokrotnie sięgali po terminologię naukową z dziedziny psychiatrii.

W rozdziale drugim, zatytułowanym *Czytanie odrębności. Kobiecte strategie dyskursywne wobec pisarstwa kobiet*, poddano analizie „kobiecy” dyskurs krytycznoliteracki. Badaczka przywołuje i analizuje wypowiedzi m.in. Olgi Szapir — pisarki i liderki rosyjskiego feminizmu, Jeleny Kołtonowskiej — pisarki i krytyka literackiego, Zinaidy Gippius czy Aleksandry Kołontaj. Artykuły autorstwa kobiet — zauważa — skierowane były przeciwko „mizoginizmowi niektórych recenzentów, powierzchowności i schematyzmowi ich opinii pretendujących do uogólniających sądów, bezpodstawnemu lansowaniu z góry przyjętych tez o niedoskonałości kobiecego pisarstwa, ich sarkazmowi i nieuzasadnionemu poczuciu wyższości” (s. 82).

Analiza wypowiedzi, nierzadko dalekich od apologii twórczości kobiecej publicystek i recenzentek, prowadzi badaczkę do wniosku, że ich zdaniem niedopuszczalne jest, by pleć przesądzała o negatywnym nastawieniu krytyka do tekstu literackiego. W dyskursie tym pytano o specyfikę twórczości kobiecej, o cechy różnicujące męski i żeński obszar literatury. Zgodnie z rozpowszechnionym poglądem, że autentyzm i szczerłość w ujawnianiu tzw. kobiecej duszy, jej skomplikowanej struktury psychicznej są niezbywalnymi elementami tej twórczości, powtarzano postulat, by podstawowym materiałem literackiej działalności kobiet stała się ich własna biografia, własne doświadczenie życiowe. Kategoria szczerości — dowodzi autorka monografii — była dla ówczesnych recenzentek jednym z najistotniejszych czynników określających wartość omawianych utworów. Z kolei moda na autentyzm wpłynęła na wzrost publikacji ego-dokumentów.

Wystąpienia podważające wartość literatury kobiecej Ewa Komisaruk ocenia jako wyraz rozdarcia epoki, w której obok nasilających się tendencji emancypacyjnych i feministycznych istniały wciąż tendencje mizoginiczne.

Przedmiotem uwagi autorki w rozdziale trzecim — *Od milczenia do zamknięcia* — stanowiącym centralną część pracy, stały się motywy artystowskie i autotematyczne w rosyjskiej prozie kobiecej. Twórczość artystyczna na przełomie XIX i XX w. — zauważa Ewa Komisaruk — była dla kobiet jedną z nielicznych możliwości zaistnienia na forum życia społecznego i publicznego wypowiedzenia się. Pisanie stało się dla nich formą kompensacji, swego rodzaju *katharsis*.

Badaczka dokonuje analizy wykreowanych przez Nagrodską, Zinowjewą-Annibał, Mar, Sanzar i Wierbicką wizerunków „nowych kobiet”. Dowodzi, że prezentując losy swych bohaterek, akcentowały one dramatyczne napięcie między ich potrzebą miłości a dążeniem do zachowania wolności artystycznej. Zauważa, że główną cechą wizerunku artystki w *Kluczach szczęścia* Wierbickiej czy utworach Sanzar, Mar i in. staje się jej osamotnienie. Bohaterki łączy „szczególna wrażliwość emocjonalna, otwarcie na doświadczenia życia wewnętrznego i zewnętrznego, przeświadczenie o własnej odmienności i wyjątkowości, a także poczucie rozdarcia, sprzeczności i niepokoju. Łączy te postaci również przekonanie o tym, że w akcie twórczym, który podejmują, dana im będzie możliwość wypowiedzenia i spełnienia się. [...] Zawsze są one wyjątkowe, prawie zawsze — samotne lub osamotnione” (s. 144–145).

Głównym tematem rozdziału IV (*Między akceptacją a odrzuceniem. Doświadczenie ciała i cielesności w prozie kobiecej*) jest przełamywanie w rosyjskiej prozie kobiecej tabu, dotyczącego życia seksualnego i rodzinnego, co stanowiło jedną z przyczyn jej negatywnego odbioru. Komisaruk przypomina, że temat ciała i seksualności był jednym z najczęściej poruszanych w literackim dyskursie modernistycznym, samo zaś ciało zyskało wówczas wymiar ambiwalentny. Podwójna rola przypadła też kobiecie: z jednej strony miała być ona ucieleśnieniem Wiecznej Kobiecości, z drugiej zaś — „ciałem, pasywną i pozbawioną duchowości substancją zdominowaną przez własną seksualność” (s. 182). W tekstach rosyjskich pisarek obok prób dowartościowania „cielesności” i „porywów ciała” (Wierbicka) dostrzega autorka monografii obrazy świadczące o negatywnym jego doświadczaniu przez kobiety (Mar i Sanzar). Badaczka tłumaczy ten fakt wpływem tekstów

Przybyszewskiego, teorii filozoficznych czołowych mizoginów epoki, filozofią naturalistów oraz teorią determinizmu. Erotyzm w prozie omawianych autorek nie oznacza — jej zdaniem — wznoszenia się ku transcendencji, lecz regres w otchłanie fizjologii. W większości utworów ciało pozostaje dla kobiety źródłem niepokojów i negatywnych emocji.

Rozważania w rozdziale piątym (*O bestsellerach prozy kobiecej, czyli o fenomenie popularności „Kluczy szczęścia” Anastazji Wierbickiej i „Gniewu Dionizosa” Jewdokii Nagrodskiej*) koncentrują się wokół kwestii kształtowania się w Rosji literatury popularnej skierowanej do kobiet. Jako punkt odniesienia wybrano dwa wymienione w tytule rozdziału bestsellery rosyjskiego modernizmu. Ewa Komisaruk zajmuje się fenomenem popularności pisarek, których działalność zapoczątkowała proces kształtowania się kultury komercyjnej w Rosji. Badaczka skupia uwagę m.in. na recepcji czytelniczej tych utworów, poetyce tytułów i podtytułów, ich przesłaniu, tematyce, charakterystyce bohaterek, przestrzeni oraz językowej organizacji wypowiedzi. Oba utwory — dowodzi — charakteryzuje „dążenie do osiągnięcia maksymalnej zrozumiałości, a tym samym wyznaczenia jak najszerszego zakresu dostępności utworu i kształtowania przez to jego popularności” (s. 271–272). Prostota języka umożliwiająca łatwe odczytywanie zawartego w nich sensu, nacechowane emocjonalnie słownictwo sprzyjające pogłębieniu charakterystyki bohaterek i opisów ich stanów wewnętrznych, wykorzystywanie formy listu czy dziennika, kreujących iluzję autentyczności wypowiedzi lub zastosowanie personalnego punktu widzenia — to tylko niektóre cechy powieści obu autorek.

Reasumując, rozprawa Ewy Komisaruk stanowi udaną próbę wydobycia z mroków niepamięci rosyjskiego pisarstwa kobiecego przełomu XIX i XX w. To kolejny znaczący krok na drodze ku pogłębieniu ciągle jeszcze niepełnej wiedzy o rosyjskim modernizmie. Autorka podejmuje peryferyjne do niedawna w literaturoznawstwie zagadnienia, skutecznie dowodząc, jak to określili René Wellek i Austin Warren, że „ograniczenie zainteresowań do dzieł wybitnych nie pozwala rozumieć ciągłości tradycji literackiej, ewolucji rodzajów i samej istoty procesu literackiego, przy czym zaciera się tło społeczne, językowe, ideologiczne oraz inne czynniki determinujące” (*Teoria literatury*. Przeł. J. Krycki, I. Sieradzki, M. Żurowski. Red. i posł. M. Żurowski. Warszawa 1975, s. 21).

Recenzowana praca stanowi wartościowy i nowatorski wkład w proces rekonstrukcji dziejów rosyjskiej literatury kobiecej, której właściwości badaczka umiejętnie analizuje i interpretuje. Tok jej wywodu, mimo powtórzeń pewnych wątków, cechuje precyzja i klarowność. Dodatkowo walory pracy podnosi bogata, starannie opracowana bibliografia, rzetelnie sporządzony system przypisów oraz indeks nazwisk, jak również ciekawa szata graficzna.

Iwona Krycka-Michnowska

Tadeusz Pacholczyk: *Wybrane zagadnienia współczesnej glottodydaktyki*.

UAM: Poznań 2010, 260 s.

Вопросы, представленные в книге, о которой речь, отражают развитие глоттодидактической мысли на рубеже XX и XXI веков. Профессор Владыслав Возьневич (с. 11) в своем предисловии пишет, что они указывают на существенные аспекты формирования посткоммуникативной парадигмы современной глоттодидактики. Коммуникативный подход к аквизиции иностранного языка в последние годы обогащается новыми концептами, которые связаны с такими понятиями и явлениями как автономный характер учащегося, показатели общения, интеркультурная коммуникация, межличностная, межэтническая или общественно-культурная глобализация в разных сферах деятельности человека и т.п.

В первой главе обсуждаются многоаспектные вопросы восприятия иноязычного графического сообщения. Представленные в ней проблемы могут, в большой степени, расширить знания читателя в контексте их сложности и многообразия. Это касается, между прочим, понимания текста на уровне значения и смысла, особенно управления самостоятельным пониманием воспринимаемого иноязычного графического сообщения с учетом его теоретических и прикладных аспектов (в этом контексте вопрос касается так называемого «зрелого» чтения). Следует здесь подчеркнуть, что апперцепция текста может проявляться на языковом уровне, то есть на уровне значения, а также на уровне смысла. Первый из этих уровней касается восприятия, то есть постижения определенных составных элементов и осознания реципиентом их значений, второй — понимания на уровне смысла, находящий свое отражение в синтезе понимаемых составных элементов, на основе которых реципиент приходит к пониманию всего текста.

Ранее акцентированное управление самостоятельным пониманием воспринимаемого содержания на иностранном языке является, несомненно, качественно новой глоттодидактической проблемой, которую представил и проанализировал автор обсуждаемой публикации. Одновременно он дал ряд рекомендаций прикладного характера. Вопрос в этом контексте касается так называемого «зрелого» чтения, о чем уже шла речь. Суть управления в этом отношении сводится к созданию учителем внешних и внутренних условий и стимулов, облегчающих учащимся эффективное осуществление действий и операций на очередных этапах усвоения и употребления средств языка в процессе развития умения понимать и выражать психическое содержание на иностранном языке (глава I, § 5). Для достижения этой цели необходимо определить элементарные умения и операции — навыки, успешное осуществление которых в ходе глоттодидактического процесса составляет один из компонентов «зрелого» чтения. Данные умения и операции, т.е. навыки, должны быть направлены на усвоение языковых средств, выражающих содержание текста (уровень значения), а также находиться в непосредственной связи с теми аспектами графического сообщения, которые обуславливают понимание его смысла.

Установление объектов управления составляет первый этап в рациональном подходе к формированию самостоятельного понимания графического содержания на иностранном языке в ходе глоттодидактического процесса (глава I, § 7). Следует подчеркнуть, что представленные примеры упражнений имеют в этом контексте практическую ценность и могут способствовать оптимизации процесса обучения.

Необходимо отметить, что характерной чертой современной глоттодидактики является изменение ее основных исследовательских направлений. Это проявляется, между прочим, в переносе центра тяжести с проблематики обучения на процесс учения иностранному языку, который следует понимать как самостоятельную работу над языком в ходе организованного обучения (глава I, § 7). Отсюда обсуждаемую ранее концепцию управления самостоятельным чтением текстов на иностранном языке можно считать ценной экзemplификацией некоторых исследовательских направлений современной глоттодидактики.

Вопросы расширения знаний в равной степени касаются как проблематики, обсуждаемой автором во второй главе, так и многоаспектной, иноязычной, инокультурной коммуникации. Эта коммуникация не является прямой передачей совокупности знаний о новой культуре — ее суть сводится к формированию способностей понимания, нейтрализации определенных предупреждений и отрицательных стереотипов, в отношении как к своей собственной культуре, так и усваиваемой иноязычной культуре.

Межкультурная коммуникация в научном смысле характеризуется сравнительно скромной традицией. Ее научное, первоначальное освещение касается лишь 80-х годов

XX века. Среди факторов, доминирующих интеркультурную коммуникацию, автор выделяет общие, базисные и специфические. К первой группе принадлежат: когнитивные, психологические, дидактически-социокультурные и педагогические (воспитательные) факторы (глава II, § 10); к второй — лингвокультурологическая и интеркультурная компетенции (глава II, § 8); в свою очередь третья группа — это факторы, характерные для данного этноса (глава II, § 10). Особого внимания заслуживают факторы, которые принадлежат к второй группе.

Лингвокультурологическая компетенция рассматривается в обсуждаемой книге как система знаний о культуре, воплощенная в определенном национальном языке. В этом отношении можно сформулировать тезис, что лингвокультурологическую компетенцию составляет сфера знаний, связанная с содержанием информации о культуре и постигаемыми смыслами и ценностями, содержащимися в отдельных феноменах культуры.

В основе межкультурной компетенции находится осознание различий и сходств интеркультурного характера, выступающих между родной и иноэтнической культурой, нашедшей, в частности, свое выражение в лексико-семантических единицах родного и иностранного языков.

Говоря об основных положениях модернизации обучения иностранным языкам в мире рекомендации Совета Европы, автор отмечает, что одним из важнейших направлений в этой области является интеркультурное образование учащихся с помощью иностранного языка. Отсюда возникает необходимость построения глоттодидактического процесса на этой основе. Этот процесс должен значительно больше внимания уделить интеркультурной коммуникации.

Представленное выше направление в области модернизации обучения иностранным языкам находит свое отражение в базисных целях изучения иностранных языков:

- умение замечать сходства и различия между собственной культурой и культурой общества, язык которого является предметом обучения;
- умение смотреть на людей и различные проблемы глазами носителей другой культуры и понимать их точку зрения;
- применение этих знаний с целью получения более объективного представления собственной культуры, обычаев, традиций и способов мышления;
- умение справляться с межкультурными недоразумениями и этническими конфликтами в случае их возникновения.

В третьей главе затрагиваются различные аспекты личности учителя и учащегося как субъектов глоттодидактического процесса, а также антропоцентрический подход к этому процессу, условия билингвизма и другие вопросы, связанные с модернизацией обучения/учения иностранным языкам.

Итак, например, в личностно-ориентированном подходе в аквизиции иностранного языка (глава III, § 7) автор выделяет приоритетные факторы, связанные с психической сферой деятельности человека.

Говоря о самых релевантных факторах личностного характера в аквизиции иностранного языка, автор имеет в виду только те, которые непосредственно или косвенно касаются рациональной организации глоттодидактического процесса (могут быть реально достигаемыми) с учетом, прежде всего, ориентированной основы дидактических действий учащихся, направленных на исполнение этих действий и проявляющихся в общении на иностранном языке. Суть вопроса сводится к тому, что фактически учащиеся исполняют дидактические действия и таким образом являются существенным субъектом иноязычной коммуникации. Здесь автор говорит о финальном продукте этих дидактических действий, т.е. о их результатах. В первую очередь, именуются в виду факторы, связанные с особенностями восприятия, которыми можно косвенным образом управлять. К ним принадлежат: внимание, особенности памяти,

мыслительная активность и степень ее самостоятельности. Влияние на эти факторы в ходе глоттодидактического процесса может осуществляться путем правильной организации процесса восприятия и направленности внимания, соответствующего отбора содержания, включение механизмов контроля и самоконтроля, учета интересов учащихся, в том числе и формирования мотивации и т.п.

Говоря о результатах дидактических действий, следует подчеркнуть, что индивидуальный успех, неразрывно связанный с внутренним чувством удовлетворения в достижении конкретной цели, осознаваемый учащимися в рамках данного занятия, можно считать одним из самых релевантных факторов личностного характера в аквизиции иностранного языка.

В третьей главе рецензируемой нами книги особого внимания заслуживают вопросы билингвизма (глава III, § 3).

Автор отмечает, что термин «билингвизм» принадлежит к неоднозначным понятиям. Все исследователи единогласны, что проблема касается умения пользоваться двумя языками. Некоторые склонны говорить о билингвизме тогда, когда данный человек овладел двумя языками в такой степени, в какой владеют ими носители языка, другие — только тогда, когда он усвоил два языка одновременно в детстве, а третьи — когда человек употребляет два языка альтернативно, в зависимости от коммуникативной ситуации. Не детализируя эти точки зрения, можно сказать, что «билингвизм» — это умение пользоваться двумя языковыми кодами в коммуникативных целях. Можно выделить координатный билингвизм, являющийся результатом одновременной аквизиции двух языков, и подчиненный билингвизм, когда овладение вторым языком совершается посредством исходного языка. Необходимо в этом месте подчеркнуть, что на практике трудно найти определенный тип билингвизма в чистом виде. Обычно наблюдается превосходство одного или другого типа.

Учитывая разные варианты билингвизма и неясности границ между ними, можно предложить следующие критерии, которые могут выступать в каждой билингвальной ситуации независимо от его типа:

- уровень билингвизма;
- параметры процесса языковой аквизиции (аквизиция первого или второго языка);
- параметр возраста в усвоении второго языка;
- способ усвоения второго языка;
- отношение к второму языку.

Подытоживая рассуждения на тему билингвизма, автор сформулировал следующие выводы:

- аквизиция языка (исходного и второго) — это интеллектуальный процесс, в котором аналогия и имитация играют второстепенную роль;
- вопросы контрастивных анализов и интегрально связанные с ними проблемы интерференции первого языка нельзя преувеличивать, они равноправны с другими психологическими и психофизиологическими процессами в аквизиции второго языка;
- существует определенная аналогия в усвоении двух языков, особенно если учесть явление переноса;
- параметр возраста нельзя решать слишком принципиально.

Рецензируемая нами публикация адресована специалистам в области глоттодидактики, студентам нефилологии и учителям иностранных языков. Глоттодидакты найдут здесь определенный синтез знаний, который касается современных вопросов, связанных с преподаванием иностранных языков. В их представлении автор часто предпринимает попытки по-новому взглянуть на ряд вопросов и во многих случаях дает их новаторское переосмысление и переоценку. Можно выразить убеждение, что учителям иностранных языков обсуждаемая книга позволит проникнуть глубже

в некоторые аспекты глоттодидактических теорий. Многие теоретические вопросы могут быть для них основой на пути к поискам собственных авторских решений, способствующих оптимизации процесса обучения.

Подытоживая, «[...] можно сказать, что публикация *Избранные вопросы современной глоттодидактики* является существенной предпосылкой к описанию развития глоттодидактической мысли» (*Предисловие* проф. В. Возьневича, с. 12).

Подытоживая, следует отметить, что в свете обсуждения указанных выше вопросов, данная публикация может вызывать интерес у читателя, так как дает ему некоторые теоретические основы и многие экзemplификации прикладного характера, касающиеся различных проблем современной глоттодидактики.

Justyna Woszczyk